

1. НОВОЕ ИЗДАНИЕ

В предисловии издателя сказано: «*Издание “Процесса” в новом переводе дополнено черновиками глав, отброшенных душеприказчиком Кафки Максом Бродом, а также фрагментами, которые вычеркнул сам автор.*»

Итак, перед нами:

во-первых – новый перевод;

во-вторых – перевод, дополненный незаконченными главами;

в-третьих – включение в издание (в таком же, как в черновиках, зачеркнутом виде) незначительных по объему кусков текста, вымаранных в процессе редактирования самим Францем Кафкой.

Касательно перевода лишь отметим, что *блестящий* (по словам самого нового переводчика – Леонида Бершинского) перевод Риты Райт-Ковалевой оказался автору текущей статьи художественно ценнее.

Но: в переводе Райт-Ковалевой десять глав, а у Леонида Бершинского их пятнадцать. И это действительно ценный подарок любому поклоннику творчества Кафки!

Переводчик в своем вступлении отмечает: «*Порядок глав в моем переводе – попытка восстановить хронологию событий <...> ...Расстановка смысловых акцентов несколько сместилась по сравнению с каноническим переводом.*» Однако хронология «Процесса» все одно хромает по причине абсурда самого текста и незавершенности произведения.

В середине романа герой внезапно говорит: «*Мое положение час от часу все тяжелее*», на что до этого решительно ничто не указывало, а сам герой в предыдущем отрезке вообще сомневается в необходимости *процесса*.

Великолепная глава «В соборе» явно должна стоять ближе к концу романа, как расположил ее при первом издании Макс Брод, близкий друг и поверенный писателя, а не в середине романа.

В раннее неизданной главе «Поездка к матери» Кафка успеваеt выразить лишь желание героя поехать к матери и его сомнения по поводу поездки. Глава обрывается на отстраненных рассуждениях о служащих в банке.

Персонажи возникают в романе ниоткуда. Чего стоит один мистический Титорелли – замена *адвокату* по рекомендации *художника*. Как отмечает переводчик, «его появление – одна из многочисленных загадок “Процесса”».

Касательно перевода вымаранных кусков отметим, что сама возможность читать зачеркнутое гением крайне мила и точно ничего не портит. Читателя будто приобщают к магии письма. Представлять, зачем Кафка вымарал тот или иной отрывок, приятно, в этом дополнительный аттракцион издания. Однако большинство вычеркнутых отрывков ничего не привносят в текст и вычеркнуты Кафкой вовсе не зря.

Пожалуй, главный отрывок (на целую страницу) – греза наяву героя об освобождении – педантично вымаран Кафкой, но переведен и представлен в новом издании. Ближе к финалу романа главный герой – К. наконец начинает задумываться, что будет, если он проиграет. Нетрудно догадаться, почему автор отказался включить этот текст в «Процесс», ведь процесс – это жизнь, а путь сбежать от процесса у всех один.

Резюмируя вышесказанное. Если любите Кафку, новый перевод будет вам в радость. Если не читали «Процесс», в данном издании вы, возможно, приобретете больше.

2. АВТОР

Авангард – такой же признак двадцатого века, как модернизм. Если описать теорию авангарда в двух словах, получится что-то вроде «эстетическая система принципиально фрагментарна и не закончена».

Вот и Кафка не закончил ни один из трех великих романов. Ни «Америку», ни любимый мною «Замок». Впрочем, масштаб не главное. Даже короткое «Преобразование» – великая метафора всего двадцатого века – словно виснет в воздухе.

Вот и «Процесс» переиздается с новыми фрагментами.

Кажется, Кафка всегда пишет одно и то же, но такое и про Федора Михайловича можно сказать, все дело в оговорках. Нереальный лишенный подробностей реализм. Относительное пространство. Так потом будут писать Камю, Кобо Абэ, Кутзее. Кафка повлиял на весь двадцатый век и плотно вошел в мировую культуру мышления.

Первое, что бросается в глаза в любом переводе, – Кафку невероятно легко и хочется читать. Странная, нелепая магия легко движет интерес, формируя загадки без видимых разгадок. Мысль течет посредством нехитрого действия и созерцания через точку видения героя-Кандида. Герою кажется, он единственный нормальный человек в городе. Но что, если он один сошел с ума?

Текст почти лишен красочных оборотов. В этом смысле Кафка современной многих современных писателей. Пространство настолько выхолощено и лишено признаков времени, что может быть встроено в любую эпоху.

Мир создает ощущение картонного. Кругом Достоевские комнатухи в виде топоров: *«К. подошел и заглянул с порога в каморку с низким потолком и без окна, которую полностью занимала узкая кровать. Нужно было перелезть через ее спинку, чтобы попасть в помещение».*

Ощущение пустоты и непрочности мира достигается умолчанием: *«К. достал необходимые бумаги и начал свой доклад».* Быстро привыкаешь, что далее следует что угодно, кроме доклада: *«...на письменном столе К. столешницу обрамлял низкий резной бортик: искусный столяр, изготовивший стол, закрепил его прочно».*

Сквозь абсурд всегда проглядывает жизнь. Сюр происходящего – лишь интересный способ ее передать. Читатель гадает, кто свихнулся, герой или весь мир? Может, реальный мир лишь оболочка? Основной принцип – все не то, чем кажется.

Возникает эффект рассеянного внимания. Выражаясь словами самого автора, «изучаешь ненужные детали и ничего, по сути, не выясняешь...».

Художественность всегда компенсирована у Кафки грустной иронией и сарказмом, основанными на парадоксе поведения героев:

«Наконец он обнаружил велосипедные права и хотел было идти с ними к надзирателям, но документ показался ему недостаточно внушительным...»

Он не имел ни малейшего намерения принижать себя в глазах следователей излишней пунктуальностью. Однако бежал, стараясь по возможности успеть к девяти, хотя ему даже не было назначено определенное время.

Она попыталась поцеловать К., но он уже уходил, и ее губы угодили ему в затылок».

Апогей сарказма – интим с государством: «...судья, которого я сейчас пишу, всегда заходит через ту дверь, что возле кровати, я ему и ключ дал, чтобы он мог дожидаться меня в мастерской, если не застанет. Вы бы потеряли всякое почтение к судьям, если б услышали ругательства, которыми я его встречаю, когда он по утрам перелезает через мою кровать».

Отношения торговца Блока со своим адвокатом можно сравнить с отношениями с девушкой: «...я ему не очень-то верен... у меня... есть, кроме него, и другие адвокаты... у меня, кроме него, еще пятеро стряпчих... Сейчас с шестым договариваюсь. – Но зачем вам их столько? – спросил К. – Без них никак, – сказал торговец».

Если двадцатый век – век травмы, то Кафка, пожалуй, олицетворение ее начала: «Только я в темноте не найду дорогу, – сказал К.». Этот страх – один из стандартов творчества великого писателя.

3. ТЕЛО РОМАНА

3.1. Сюр

«Став обвиняемым, он взял себе за первейшее правило всегда быть ко всему готовым, ничему не удивляться».

Сквозь абсурд всегда проглядывает жизнь. Сюр происходящего – лишь интересный способ ее передать. Читатель гадает, кто свихнулся, герой или весь мир? Может, реальный мир лишь оболочка? Основной принцип – все не то, чем кажется.

Перед нами понятные маркеры сюра: канцелярия суда находится на чердаке доходного дома; посыльный кричит донесение в дверную щелку учреждения,

куда его отправили; герой одевается и «радуется, что все выходит быстро, потому что надзиратели забыли заставить его принять ванну». И главное, совсем как через пятьдесят лет у Кобо Абэ: «Вы арестованы... но это не должно мешать вам выполнять ваши профессиональные обязанности. И вашему обычному образу жизни препятствовать тоже не должно. – Тогда быть арестованным не так уж плохо, – сказал К.»

«Когда спишь и видишь сны, находишься в совершенно ином состоянии, нежели когда бодрствуешь... момент пробуждения самый рискованный...» – фраза из вымаранного автором текста отражает желанное состояние читателя. Герой попадает в нелепые обстоятельства, сравнимые со сном, и блуждает в них, именно как во сне. «Процесс» – «Алиса в стране чудес» для более взрослых или более желчных.

Поначалу герой бунтует, но очень быстро смиряется с правилами игры. Главный логический сюр романа в том, как обвиняемый от убежденности в глупости *процесса*, без какого-либо объяснения, переходит к отчаянию в поисках спасения от него.

3.2. Маркеры реальности

Налицо все признаки общества. К. живет «*в правовом государстве в мирное время, закон есть закон, и кто осмелился напасть на него в собственном доме?*».

В государстве есть банк, где главный герой работает старшим управляющим. «*В банке он окружен посредственностями, способными продвигаться лишь благодаря стажу. Как только ты отступишься, тебя подсидят*» – этим, кажется, только и занят заместитель директора банка.

На деле старший управляющий К. не может управиться даже с собственной жизнью. Он пеняет на посетителей, часами ожидающих в приемной суда, но в его собственной приемной полно посетителей. «*Как заниматься банковскими делами... когда на чердаке чиновники корпят над бумагами по его делу?*»

В правовом государстве есть судебная контора. В конторе есть *порщики*, наказывающие нерадивых клерков и берущие взятки, и *господин разъяснитель*, дающий справки населению, поголовно так или иначе включенному в *процесс*.

И конечно, основная идея процесса – «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас», о которой еще скажем.

3.3. Антифеминизм

«– У вас есть любимая женщина? – спросила она чуть погодя.

– *Нет, – сказал К.*

– *Так уж и нет!*

– *На самом деле есть, – сказал К. – Подумать только, я от нее отрежся, а ведь у меня даже ее фотография при себе.*

Говорят, Кафка писал свой роман, когда разрывал помолвку с Фелицией Бауэр.

«Я прямо-таки притягиваю помощниц, – подумал он. – Сперва э-жа Бюрстнер, потом жена судебного пристава, наконец эта малышка-сиделка, которой я за чем-то так понадобился. Вон как угнездилась у меня на коленях, будто это ее законное место!»

Главному герою романа, словно для того чтобы подчеркнуть его одиночество, дарованы автором три музы. В отношениях, как и в процессе, – сплошные странности, недомолвки, обман. Героиня адюльтера не определена, как и любые правила игры. Три музы возникают и исчезают без причины.

Поражает антифеминистическая концепция женщины как вещи для пользования председателя суда, подающего надежды студента, адвокатов, обвиняемых и самого К.

Чужаки без спроса заходят в дома, заглядывают в постели, роются в вещах, судебные помещения делятся на каждом чердаке и в каморке художника. «Моя мастерская, собственно, тоже часть судебной канцелярии, суд мне ее и предоставил». Герою так трудно поверить в реальность государства, что он грешит на мистическую организацию.

Чуть более длительные отношения с молоденькой сиделкой адвоката Лени заканчиваются фиаско, когда выясняется, что *«Лени находит большинство обвиняемых привлекательными. На всех вешается, всех любит и, похоже, у всех пользуется взаимностью»*. Нелепое объяснение: *«Я немножко вошла в его положение, потому что он крупный клиент адвоката, вот и все»* – звучит как месть Кафки женщинам.

«Если бы я мог уговорить некоторых моих знакомых женщин действовать на моей стороне сообща, я бы наверняка прорвался. Особенно в этом суде, который почти весь состоит из дамских угодников...»

– *Ты слишком рассчитываешь на чужую помощь, – сказал священник. – Особенно – и напрасно – со стороны женщин. Неужели ты не замечаешь, что это не настоящая помощь?»*

3.4. Сакральная жертва

Герой *«всегда старался не принимать ничего слишком всерьез, в худшее верить, только если и правда станет худо, и не тревожиться о будущем, чем бы оно ему ни грозило»*. Миг, и он – участник всеобщего сюр-спектакля – как слепой котенок, обращается к женщинам, художникам, священникам в тщетных попытках понять, что делать.

Надежда на *«благосклонное отношение»* мешает бороться или бежать. К., как и почти любой на его месте, предпочитает *«довериться естественному ходу событий»*.

Но *«опытный человек даже в большой толпе всегда распознает обвиняемого»*. Герой, даже для себя, – несомненная сакральная жертва процесса.

3.5. Вестники обезличенного авторитаризма

«– Здесь так гнусно, – сказала она, помолчав, и взяла К. за руку. – Думаете, у вас получится что-то исправить?»

– *Подобные разборательства практикуются в отношении многих людей. Это ради них я стою здесь, а не ради себя.*

– *Слишком много людей в нашем положении... Но даже сообщая против суда ничего не добьешься. Каждое дело расследуется отдельно...»*

Чужаки без спроса заходят в дома, заглядывают в постели, роются в вещах, судебные помещения делятся на каждом чердаке и в каморке художника. *«Моя мастерская, собственно, тоже часть судебной канцелярии, суд мне ее и предоставил».*

Герою так трудно поверить в реальность государства, что он грешит на мистическую организацию.

Любой непреложный закон рано или поздно превращается в авторитарный сюр, где *«материалы суда недоступны обвиняемому и его защите, так что им или по большей части, или вообще непонятно, против чего возражать, где на допросах защитнику обычно присутствовать не разрешается. Самое главное – личные связи адвоката, в них-то и есть главная ценность защиты».*

Судебное производство в целом скрыто от глаз нижестоящих чиновников... в результате от этих чиновников ускользает понимание... стоит ли удивляться раздражению чиновников... Все чиновники раздражены, даже когда внешне кажутся спокойными».

Не успеешь глазом моргнуть, *«процесс переходит в такую стадию, на которой делу уже не поможешь... Процесс не обязательно проигран... просто о процессе больше ничего не известно и не будет известно уже никогда».*

Что же остается делать в обществе, где каждый прохожий – свидетель обвинения, где суд в каждом закутке, адвокат почти не задает вопросов, а нелепый нищий художник знает о процессе больше адвоката? Только *«коротко изложить свою биографию и против каждого сколько-нибудь значимого события написать, почему поступил так, а не иначе...».*

Главное – *«ни в коем случае не привлекать внимания!».* Жаловаться нет смысла – *«в лучшем случае этим можно добиться какой-то пользы для будущих обвиняемых, но себе навредить неизмеримо больше, привлекая особое внимание злопамятных чиновников».*

Истинное оправдание невозможно. Процесс, единожды вступив в силу, бесконечен, а *«судья еще при первом оправдательном приговоре предвидит новый арест...».*

Обвиняемый всегда остается несвободным. Процесс длится, превращая людей в нелепых и униженных существей, таких, как торговец Блок.

Сушности положен адвокат, его обслуживает сиделка адвоката, он ютится в маленьких комнатках-гробах в квартире адвоката и время от времени вынужден отмечаться у своего судьбы. Унижение, когда тебя бьют плетью, унижение, когда ты вынужден преклонять колени перед своим адвокатом. *«Ты жив, пока ты под моей защитой».*

Описывая процесс, Кафка два раза упоминает собак. В первый раз в связи с *«прямо-таки собачьими, самоуничижительными выражениями почтения к суду».*, а второй – в связи с приговором главного героя.

«Процессом» Кафка предсказывает любой тоталитаризм двадцатого века и грустно смотрит в двадцать первый.

4. СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ «ПРОЦЕССА»

Здесь как нельзя уместнее мое любимое – а что если? Против каждого из нас идет процесс, который равен жизни. Бог, как уже известно в двадцатом веке, умер. Закон – новый Бог современного мира. *«Суд ничего от тебя не хочет. Приходишь – он принимает тебя, уходишь – отпускает».* Очевидная философия, где вместо «Суд», «Закон» ставим «Бог».

«– Как вообще человек может быть виновен? Все мы люди, и ни один не лучше другого».

– *Это верно, – сказал священник, – но виновные всегда так говорят.*

Иисусов принцип «кто без греха» вырождается в «мы все равны перед законом, а значит, виновны». *«А сам закон равен суеверию, ведь многое в судопроизводстве умом не понять – слишком сильно устаешь и много отвлекаешься, так что понимание заменяют суеверия.*

А вместо молитвы – ходатайства: *«Мои ходатайства не имели никакого смысла. Одно я даже прочитал... Оно было совершенно бессодержательным, хоть и написано ученым языком...»*

Процесс-муравейник – единое обезличенное существо, неотвратно перемалывающее личность, – *«тайно подбирается ко мне все ближе. Ты знаешь, что процесс складывается не в твою пользу? Проиграть процесс значит, что тебя просто вычеркнут».*

Ярчайшим сопоставлением закона и Бога, данным Кафкой, является *«Легенда о вратах»*, с невероятным шармом толкуемая К. священником: *«Текст неизменен, а мнения часто лишь отражают заблуждения по поводу его смысла... Он служителем Закона и, следовательно, принадлежит Закону, а людской суд над ним не властен... сомневаться в его значимости – все равно что сомневаться в Законе... не надо считать все, что говорит стражник, правдивым, надо лишь считать это необходимым.*

– *Какая безрадостная точка зрения, – сказал К. – Ложь объявляется основой миропорядка».*

В романе, состоящем из кусков, кажется, нету ни середины, ни начала, но читательские скитания вознаграждены всепрощающим концом. Перед бездной героя посещает мысль, воистину достойная Святых Петра или Матфея: *«Стоит ли давать повод для упреков, что в начале процесса я хотел его закончить, а в конце – начать его снова?»*

